

Ольга Орлова

Особенности миссионерской деятельности архиепископа Казанского и Свияжского Владимира (Петрова)

На основе письменного наследия миссионера и просветителя XIX в. архиепископа Казанского и Свияжского Владимира (Петрова) (1828–1897) рассматриваются главные черты его миссионерской деятельности, а также волновавшие его практические вопросы: подготовка и внешнее устройство миссии; личный пример и образ жизни самого миссионера; основные особенности адресата миссии.

ключевые слова: алтайская миссия, история миссии РПЦ, архиепископ Владимир (Петров), перевод богослужения, инородцы, миссионер, синодальный период.

В последние годы появился ряд исследований, посвященных русским миссионерам синодального периода, но в целом история миссии Русской церкви того времени освещена еще недостаточно. Ее миссионерская деятельность достигла своей вершины в XIX веке. Для синодального периода истории РПЦ характерно «глубокое стремление к просвещению и свободному творчеству, великие достижения культуры и искусства... широкий выход на мировую арену, новое и широчайшее миссионерство, способствовавшее формированию новой “русской идеи”... желание помочь всем...» [Ландышев, 4]. Среди самых ярких примеров внешней миссии можно назвать Алтайскую миссию, основанную архим. Макарием (Глухаревым), деятельность Миссионерского общества¹, Японскую миссию митр. Николая (Касаткина).

Служение миссионера и просветителя архиепископа Казанского и Свияжского Владимира (Петрова) (1828–1897), в частности, его вклад в Алтайскую миссию, еще нуждается в исследовании.

1. Основано в 1865 г. для содействия Алтайской и Забайкальской миссиям; впоследствии перешло на попечение митрополита Московского Иннокентия.

Его личность мало известна в современном церковном мире, хотя его труды могут служить примером и для современных миссионеров.

Иван Петров (будущий архиеп. Владимир) почувствовал призвание к миссионерской деятельности в ранней молодости. Еще в годы учебы в Киевской духовной академии он мечтал потрудиться ради Господа на этом поприще. В особой объяснительной записке от 15 октября 1867 г., представленной обер-прокурору Святейшего Синода, он писал:

Сочувствие к миссионерскому делу заронилось в сердце мое, когда я сидел еще на академической скамье, и в одно время было до того сильным, что я совсем было решился, не докончив своего академического образования, устремиться в тот путь, куда звали меня душевные наклонности. Но промыслу Божию угодно было отложить исполнение юношеских порывов на 15 лет. В этот долгий промежуток времени я не переставал интересоваться миссионерским делом. Обстоятельства страннической жизни моей — в Орле, в Иркутске и Томске — давали возможность только усилиться этому стремлению. Приезд мой на службу в Петербург еще более тому благоприятствовал... [*Ястребов. Миссионер*, 83].

До наших дней дошло довольно скромное литературное наследие архиеп. Владимира — письма, миссионерские и путевые записки, публикации в различных периодических изданиях, отчеты о деятельности Алтайской миссии, речи, сказанные по разным случаям. Перед смертью владыка завещал всю свою довольно большую библиотеку, в которую входили также и его труды, Казанской духовной академии, но впоследствии этот архив был утерян.

Основные работы владыки: «Улалинская женская община новокрещеных на Алтае» (1863), «Поездка на Чулышман» (1868), «Отчеты начальника Алтайской миссии» с 1870 по 1883 г., «Письмо старого, бывшего инок-миссионера к молодому миссионеру-иноку» (1893), почти тридцатилетняя переписка с архиепископом Иркутским Вениамином (Благонравовым) и некоторые другие речи и письма.

Главные проблемы, которые волновали архиеп. Владимира, были связаны с актуальными вопросами миссионерской деятельности его времени. Изучение письменного наследия владыки позволяет выделить наиболее важные для него темы:

- необходимость подготовки и внешнего устройства миссионерской деятельности;

- личный пример и образ жизни самого миссионера;
- знание основных особенностей адресата миссии.

Подготовка и внешнее устройство миссионерской деятельности

Будущий архиеп. Владимир², хотя и не был знаком лично с архим. Макарием (Глухаревым), стал достойным учеником и продолжателем начатого им дела. Прп. Макарий оставил после себя большое письменное наследие, на которое в дальнейшем опирались все последующие начальники Алтайской миссии. В 1858 г. иером. Владимир был назначен в недавно учрежденную Томскую духовную семинарию на должность инспектора и профессора по классу Священного писания. Там он довольно близко познакомился с алтайскими миссионерами. Будущий миссионер ясно понимал, какие трудности его ожидают: обширная территория, суровый климат, кочевой образ жизни иноверцев. Когда кто-то из них решался отречься от язычества и принять христианскую веру, ему нередко приходилось оставлять свое привычное окружение, и для устройства жизни новокрещенных была также необходима поддержка миссионеров. На все эти нужды требовалось изыскивать соответствующие силы и средства.

Одной из главных заслуг архим. Владимира было основанное им в 1865 г. Миссионерское общество для содействия Алтайской и Забайкальской духовным миссиям. Его авторству принадлежит и устав этого общества³. Сам о. Владимир писал об этом так:

После долгих колебаний я решился открыть занимавшую меня мысль высокопреосвященному митрополиту Исидору⁴ и просить его мудрого руководства и архипастырского благословения. Его Высокопреосвященство приказал мне, предварительно начатия дела, испросить согласие на то и благословение тех преосвященных, непосредственному попечению которых вверено миссионерское дело на Алтае и в Иркутской епархии. Преосвященные — Парфений⁵,

2. В 1861 г. иером. Владимир был возведен в сан архимандрита, в 1879 г. хиротонисан во епископа Бийского, в 1892 г. при назначении на Казанскую кафедру хиротонисан в архиепископа.

3. Первоначально данное общество сформировалось в Санкт-Петербурге именно для поддержки этих духовных миссий. Впоследствии, в 1869 г., когда его возглавил митр. Иннокентий Московский и деятельность общества была перенесена в Москву,

владыка Владимир по просьбе митр. Иннокентия занимался переработкой его нового устава.

4. Митр. Исидор (Никольский Иаков Сергеевич) (1799–1892), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский.

5. Возможно, архиеп. Парфений (Чертков) (1782–1853), имя при рождении — Павел Васильевич Васильев; фамилию Чертков он получил в Московской Славяно-греко-латинской академии.

Вениамин⁶ и Иеремия⁷ (назначенный тогда в Благовещенский монастырь строителем) с радостью приняли мое предложение и с отеческой любовью дали мне их святительское благословение. Я начал готовить проект устава Миссионерского общества [*Ястребов. Миссионер*, 85].

Архимандрит Владимир находился в тесных дружеских отношениях с архиепископом Иркутским Вениамином (Благонравовым), который с 1862 г. был начальником Забайкальской миссии. Знакомство их состоялось еще в 1857 г., когда о. Владимир был назначен инспектором и профессором по классу Священного писания в Иркутскую духовную семинарию. Сохранилась переписка архиеп. Вениамина и некоторые ответы архиеп. Владимира. Она охватывает почти тридцатилетний период, ее основная тема — боль за дело миссии, размышления о возникающих у миссионеров сложностях и путях их разрешения. Например, архиеп. Вениамин писал архим. Владимиру в 1862 г.:

Но вы, кажется, полагаете, что стоит только нам переплыть через Байкал, и язычники тотчас пойдут к крещению по первому представлению евангельской истины их здравому смыслу. В самом деле, какая противоположность между светом евангельской истины и тьмой грубого шаманства? И чего бы казалось легче — убедить шаманца переменить нелепое суеверие на непреложную истину св. веры? Так большей частью и судят издали; так отчасти судил и я. Но трехмесячный опыт достаточен, чтобы не умом только убедиться, а всей душой почувствовать всю глубину и силу слов Господа: «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня»^{*1} [*Письма Вениамина*, 9].

*1 Ин 6:44

Уверенность в легкости принятия христианства при одном лишь знакомстве с ним — очень характерное для того времени представление о миссии (не только для православных). Так нередко думают и сейчас. Архиеп. Вениамин говорит об ошибочности такого подхода к миссии, и архим. Владимир с ним соглашается. Они убедились в этом на основании своего опыта, который сегодня остается вполне актуальным: чтобы из «миссионерского оптимизма» не впасть в «миссионерский пессимизм», не стоит предполагать, что все вокруг только и ждут, что их будут крестить и просвещать, — нужно реально оценивать трудности в деле миссии.

6. Архиепископ Иркутский Вениамин (Благонравов) (1825–1892).

7. Епископ Нижегородский и Арзамасский Иеремия (Иродион Иванович Соловьев) (1799–1884).

Будущий владыка Владимир хорошо знал нужды Забайкальской и Алтайской миссии и особо ходатайствовал об учреждении Миссионерского общества для содействия именно их деятельности.

Открытие Миссионерского общества совпало с назначением архим. Владимира на должность начальника Алтайской миссии. В связи с этим Св. Синод утвердил председателем Общества в Санкт-Петербурге архиепископа Ладожского Герасима (Добросердова), а архим. Владимир вошел в его состав. В речи при открытии Общества 21 ноября 1865 г. он подчеркнул, что оно явилось продолжением замысла архим. Макария (Глухарева), само Общество назвал «братством соревнователей», а труд миссионеров, который невозможно совершать одному, без поддержки церкви, — апостольским:

Но я стою теперь пред вами не только как один из нескольких смиренных служителей слова Божия, как один из многих членов — ревнителей апостольского дела, а вместе и как единственный здесь представитель того смиренного и пока малочисленного братства [*Владимир (Петров). Речь, 478*].

Будущий архиеп. Владимир хорошо понимал, что миссия — это общецерковное дело, которое не под силу одним миссионерам. Важно собирать их в единое братство, в то же время следует возгревать апостольский, миссионерский дух среди всех членов церкви.

Отец Владимир надеялся, что в скором времени Миссионерское общество разрастется, и в его трудах примут участие многие верные члены церкви:

Между тем за достоверное известно, что сочувствие к развитию миссионерского дела в настоящее время начинает проявляться между членами русской церкви в значительной степени, а при известных условиях с Божьей помощью оно может достигнуть желаемых размеров и оправдаться самым делом. К малому числу основателей вскоре присоединятся сотни соревнователей из христиан и христианок всякого звания [*Владимир (Петров). Речь, 479*].

Во второй половине XIX в. мало кто размышлял о том, насколько миряне могут нести ответственность за церковные дела, в том числе помогать в миссии. Архим. Владимир считал, что верные члены церкви могут участвовать во всех ее делах независимо от пола, общественного статуса и сословия.

Владыка любил приводить в пример миссию мусульман, обращая внимание на ее успешность:

Почему труд мулы успешен? — потому что есть дружественная настроенность самих рядовых мусульман. Где и когда не смог бы быть или уста открыть миссионер, за него делали бы это его помощники [*Владимир (Петров)*]. Из письма миссионера-инока, 7].

Иными словами, миссионер не может быть один, всегда важна церковная среда, которая его поддерживает.

Как начальник миссии, архим. Владимир одной из существенных задач считал улучшение материального обеспечения миссионеров, что стало возможным как раз при основании Миссионерского общества, куда он представил свои предложения по финансовой помощи алтайским миссионерам. Для их обсуждения была учреждена особая Комиссия, которая выработала правила назначения пятилетних прибавок, утвержденные Советом Общества 8 мая 1877 г.:

- 1) Пятилетние прибавки к жалованью назначаются миссионерам-священнослужителям на первое время в сибирских миссиях за службу при миссии, в каком бы звании она начата ни была, но с тем, что в службе до священнослужения два года считаются за один⁸.
- 2) Сроком для начала счета пятилетий полагается год открытия Православного Миссионерского Общества, т. е. 1 января 1870 года; прослуженные от сего срока сверх пяти годы считаются старшинством на будущее пятилетие.
- 3) Пятилетняя прибавка жалованья для прослуживших уже пять лет назначается по окладу 1876 года, а впредь всем по последнему получаемому окладу в следующих размерах: получающих жалованье: от 150 до 299 рублей прибавляется 25 руб., от 300 до 499 — 40 р., от 500 до 699 — 60 р., от 700 до 999 — 80 р., от 1000 и выше — 100 рублей.
- 4) Сроки пятилетий, выслуженные во всякое время года, считаются с 1 января будущего (т. е. 1878. — О. О.) года [*Ястребов. Миссионер, 218*].

Отец Владимир ходатайствовал и об обеспечении алтайских миссионеров пенсиями. В 1872 г. он представил Совету соответствующее предложение, которое митрополит Московский Иннокентий пожелал распространить на все сибирские миссии.

В первое время Алтайская миссия остро нуждалась в женском служении. Как писал прп. Макарий (Глухарев),

8. Иными словами, если человек служил в миссии и не был священником, то эту «пятилетнюю прибавку» он должен был получить лишь через 10 лет.

важнейшая нужда миссии не в ризнице и не в денежной милостыне, но в учительнице, которая могла бы благодатью Божьей сделаться матерью для девочек новокрещеных и вообще распространять Царствие Божье между женщинами, а чрез них и вообще в народе [*Владимир (Петров). Улалинская женская община, 396*].

Будущий владыка Владимир обращал особое внимание на это замечание архим. Макария о важности роли женщины-миссионера и старался воплотить это в жизнь, в частности, устраивая женскую общину в с. Улала.

Относительно служения женщин в церкви всегда возникали вопросы. Отец Владимир, вслед за прп. Макарием, видел необходимость в таком служении в первую очередь для свидетельства о христианской вере, а также для того, чтобы помогать устраивать быт женщинам из обращенных инородцев. Еще с 1833 г. на Алтае возникла необходимость в устройстве общежительной женской общины. В 1836 г. прп. Макарий представил проект такой общины, в которой девицы и женщины вели бы безбрачный образ жизни. К сожалению, этот проект не был реализован. Архим. Владимир последовательно воплощал идеи прп. Макария. К моменту его назначения начальником Алтайской миссии больше десяти вдов и девиц изъявили свое желание целожизненно служить Богу, живя в девстве и целомудрии, обратившись к прежнему начальнику миссии прот. Стефану Ландышеву [*Владимир (Петров). Улалинская женская община, 399*]. При этом три из них были русские, остальные — новокрещенные инородки. С их прошением в Санкт-Петербург отправился купец А. Г. Мальков, чтобы ходатайствовать перед Синодом об официальном разрешении на создание такой общины, предоставлении ей необходимых земель и о сборе средств для ее устройства. За помощью во всех этих делах А. Г. Мальков обратился к архим. Владимиру, про которого было известно, что он, будучи инспектором Санкт-Петербургской духовной академии, сочувствовал миссионерству вообще и Алтайской миссии в частности. Только благодаря помощи о. Владимира Синод принял к рассмотрению данный проект и в дальнейшем передал его императору, который дал свое согласие на устройство женской общины в с. Улала Томской епархии.

После назначения на должность начальника Алтайской миссии архим. Владимир написал одну из своих основных работ «Улалинская женская община», где довольно подробно аргументировал,

почему такая община необходима для миссии. Приводя соответствующие отрывки из писем прп. Макария, он рассказал обо всех сложностях, которые возникали на пути ее устройства, а также о важности для всей Алтайской миссии того, что высшие церковно-государственные власти разрешили ее создание.

Отметим, что в Алтайской миссии подобная женская обитель была единственным «на пространстве многих тысяч верст приютом для желающих в девстве послужить Богу», позволившим архим. Владимиру осуществить замысел прп. Макария. Основной целью созданной общины он видел «помощь миссии в попечении о лицах женского пола, новообращенных из язычества, обучением их христианству и рукоделиям, уходом в болезни, призрением бесприютных, воспитанием и обучением малолетних сирот» [*Ястребов. Миссионер, 158*]. В отчете о деятельности Алтайской миссии за 1879 г. будущий владыка писал:

Сестры общины не только не ослабевают в своем усердии, но больше входят в сознание важности, отрадности и спасительности, хотя бы и трудных, дел христианского милосердия [*Ястребов. Миссионер, 159*].

В связи с этим в 1880 г. владыка Владимир ходатайствовал перед Св. Синодом и царем о переименовании общины в женский монастырь на правилах общежития.

Во время устройства Алтайской миссии архим. Макарий (Глухарев) пришел к мысли, что для лучшей подготовки миссионеров, духовного и нравственного их воспитания необходимо устраивать образовательные миссионерские монастыри. Будущий владыка Владимир также поддерживал эту идею и предлагал устроить центральный пункт миссии как

приготовительное место для вступающих (в монастырь), место для временного освежения нравственных сил миссионера после долгого одиночного пребывания и обращения в среде полудиких инородцев, как всегдашний приют для ослабевших от трудов миссионеров — иноков, как благоустроенное учреждение, содействующее миссии влиянием на новокрещенных благолепным и благочинным богослужением, хозяйственными при монастыре заведениями, также имевшими быть при монастыре центральным училищем, больницей и приютом [*Ястребов. Миссионер, 160*].

Создать женскую общину архим. Владимиру удалось, мужской образовательный монастырь — нет.

Образ миссионера

Некоторое представление о том, каким, по мнению владыки Владимира, должен быть миссионер, дает его собственная жизнь и деятельность на этом поприще.

После назначения на должность начальника Алтайской миссии он долго сомневался и испытывал волю Божию, задаваясь вопросом, где наилучшим образом сможет потрудиться на благо Церкви, исполняя свое призвание. Эти переживания ясно видны в письме, отправленном им епископу Нижегородскому Иеремии (Соловьеву) (1799–1884) 7 июня 1865 г.:

Вдруг и необдуманно сказать: да или нет — было бы делом и неблагоразумным и сугубо не полезным. Но когда начинаю соображать все, что является в душе и за и против, то, при всем старании моем, весы воли моей колеблются только, а не склоняются решительно ни на ту, ни на другую сторону. Конец слова: если бы я ясно увидел в сем деле волю о мне Божию, то нисколько не колеблясь, вверил бы свою судьбу настоящему направлению обстоятельств. Но крайне опасаясь принять желания людские, может быть ошибочные, за глас Божий. С другой стороны, страшусь оказаться непослушным [*Ястребов. Миссионер, 95*].

Ясно представляя, какой нелегкий труд ожидает любого, кто решается отдать себя делу миссии, архим. Владимир, еще находясь в Санкт-Петербурге, писал:

Путь (миссионерский), сам по себе трудный, вдвое труднее для меня и по новости своей, и по обязанности моей быть слугой для служителей евангельского слова, быть для них отцом и матерью — по внимательности и любви, служить опорой колеблющихся, подкреплением изнемогающих, утешением и ободрением для унывающих и падающих духом среди трудностей и преград на нелегком поприще. Видит Бог сердца моего: быть таковым слугой служителей Божьих и юных верою членов Церкви от всей души желаю [*Ястребов. Миссионер, 103*].

Важно, что будущий владыка ощущал пастырскую ответственность за всех вверенных ему алтайских миссионеров и хотел быть для них опорой и укреплением. Такое отношение возможно только в неформальном разделении ответственности за вверенное дело миссии и братской любви. В дальнейшем мы увидим, что слова, приведенные выше, архим. Владимиру удалось воплотить в жизнь сполна.

В наставлениях молодым миссионерам, помимо важности проявления отеческой любви к людям, владыка подробно разъяснял необходимость получения соответствующих знаний. Он считал, что миссионеры также должны постоянно трудиться духовно, приобретать аскетические навыки послушания, терпения, смирения, направленные против самолюбия, своеволия, гнева и гордости.

Миссионерские усилия — это всегда личный подвиг каждого. Чтобы не остаться одиноким в своих трудах, миссионеру необходимо, помимо проповеди людям, не знающим христианской веры, также заботиться о возрастании в духовной жизни и просвещении православных верующих вокруг него.

Миссионер должен учить и воспитывать свою родную, русскую, православную среду, тогда он будет не один [*Владимир (Петров). Из письма миссионера-инока, 7*].

Таким образом, принципиально важна не только внешняя, но и внутренняя миссия.

Важной задачей для миссионера будущий владыка считал поддержание и усиление «огня веры» в сердцах верующих:

...Если бы все дети церкви, весь народ православный, от высших его слоев до низших, простейших, проникся живым сознанием спасительности света Христова, могли ли бы тогда простецы говорить просто, но неумно: русским — русская вера, татарам — татарская? Могли ли бы тогда классы образованные коснеть в индифферентизме, прикрывая его красивым термином «веротерпимости» и доводя эту веротерпимость (читай: холодность к своей вере) до покровительства ложным и пагубным верам в религиозный, государственный, национальный ущерб родной земли? [*Владимир (Петров). Из письма миссионера-инока, 8*].

В этих словах вновь видна жажда возгревания апостольского, миссионерского духа в церковном собрании. Архим. Владимир как бы пытается «разбудить» церковный народ и обратить внимание всех людей — и простых, и интеллигенции — на то, что происходит в церкви. А также на то, что успех миссии зависит от горячности веры каждого члена церкви.

Миссионер должен обладать такими качествами, как любовь к своему делу, к людям, а главное — иметь веру и послушание Богу:

Сколько надобно самоотвержения, любви к св. делу, к св. церкви, к заблуждающимся братьям! Как трудно соблюсти в себе все эти необходимые проповеднику качества! Как легко иногда ослабеть духом и телом! Но одного усердия, одного самоотвержения еще недостаточно. Если в каком, то именно в этом деле — аще не Господь созиждет, всеу трудятся зиждущие^{*1}; и насаждающий и напояющий — ничто, а все — Бог возвращающий^{*2}; только Он дает уста и премудрость, которым невозможно противиться^{*3} [*Владимир (Петров). Речь, 482*].

*1 Пс 126:1

*2 1 Кор 3:7

*3 Лк 21:15

Неслучайно до своего назначения начальником Алтайской миссии архим. Владимир был преподавателем Священного писания в Иркутской и Томской духовных семинариях. Из речи, сказанной им при открытии Миссионерского общества, видно, что слово Писания живет в нем и все время соотносится с реалиями собственной жизни.

Отец Владимир не единожды призывал молодых миссионеров «не гоняться за умножением во что бы то ни стало своего списка крещенных» [*Владимир (Петров). Из письма миссионера-инока, 8*]. Он писал, что «не должно смущаться малым числом крещаемых... и медленным религиозно-нравственным преуспеванием вашей крещеной общины» [*Владимир (Петров). Из письма миссионера-инока, 10*]. Такая позиция очень сходна с принципами миссии архим. Макария (Глухарева). Будущий владыка, также как и прп. Макарий, никогда не крестил человека только потому, что тот изъявил на это свое желание. Сначала его «испытывали», больше узнавали о его жизни и только потом проводили несколько огласительных встреч (от двух-трех дней до одной недели) в зависимости от возраста, умственного и нравственного развития крещаемого. Важно отметить, что миссионерская деятельность и ее добрые плоды неразрывно связаны с катехизацией и просвещением всех членов церкви. Очевидно, что о. Владимир обращал внимание на необходимость постоянного регулярного труда и искреннего отношения к делу, несмотря на то, что его плоды бывают видны не сразу.

Существенное направление в миссионерском делании — постоянное просвещение новокрещенных и забота о них, как о родных детях, которых надо «учить и до крещения, и после крещения» [*Владимир (Петров). Из письма миссионера-инока, 9*]. Для архим. Владимира всегда была очевидна связь миссии и просвещения людей. Как и для прп. Макария, для него важнее было качество жизни новокрещенных, чем их количество; этому стоит у них поучиться и современным миссионерам.

Необходимо хорошо представлять культурные и языковые особенности инородцев:

Миссионеру нужно и самому знать язык своих инородцев, и на их природном языке полагать начало обучения их (и взрослым и юным) истинам веры, правилам жизни благочестивой и самой практики благочестия — молитвами домашними и церковными. Знаешь, что это необходимо не только для того, чтобы новокрещенным быть сознательными, разумными, следовательно, «прочными» православными, но и для того, чтобы быть всецело русскими людьми. Азбучная истина: «Больше всего единит не единство языка, а единство веры» [*Владимир (Петров). Из письма миссионера-инока, 11*].

Подобные мысли очень характерны для миссионеров конца XIX века. Многие из них сталкивались с тем, что если не заниматься изучением языка, переводами богослужения, Священного писания и другой литературы, связанной с научением вере, на местные языки, то миссионерскую деятельность вести практически невозможно. При этом вновь и вновь архим. Владимир акцентирует внимание на усилии любви к людям:

При речи о языковедении, однако, невольно просится на память слово Апостола языков: «Аще языки человеческими и ангельскими... любви же не имам, ничто бо есть» [*Владимир (Петров). Из письма миссионера-инока, 11*].

Можно сделать вывод, что для о. Владимира язык — вещь важная, но прикладная. Сам факт богослужения на местном языке еще не гарантирует результата миссии. Но и без его использования она невозможна.

Владыка, зная обо всех тяготах миссионерского труда не только в теории, очень остро чувствовал потребность в некоторой братской среде, общности единомышленников, которая поддерживала бы миссионера. Он воспринимал миссию как дело единого братства и писал в связи с этим молодым миссионерам, стараясь укрепить их в минуты душевной слабости:

К счастью, Господь судил тебе быть причисленным к такому братству, среди которого больше 60 лет крепко сложен фундамент братской любви. Тебе стоило только стать в среду сего доброго братства, и ты не мог не проникнуться духом любви, в этой среде дышащим [*Владимир (Петров). Из письма миссионера-инока, 11*].

Несмотря на все препятствия, труд миссионера, по мнению владыки, благодатный и общецерковный, ведь на этом поприще подвизаются другие миссионеры и многие люди, которые их поддерживают. Он писал:

С годами чувства братства, родства должны, дай Бог, усилиться [Владимир (Петров). *Из письма миссионера-инока, 12*].

Для миссионера принципиально важно понимать, с одной стороны, что он не «один в поле воин», а с другой, что он не «царь и бог». Он прежде всего представитель всей церкви.

Завершив свои труды на Алтае, после назначения епископом на Томскую кафедру владыка составил молитву миссионера как своего рода завещание своим молодым последователям:

Господи, Господи, положивый душу Твою за спасение всех человеков! Яко Господин жатвы, изводи Сам многих делателей Своих на жатву Свою. Изведенным подаждь дух молитвы, дух любви Твоей, дух смирения, терпения, дух разума. Подаждь им дар благовествовать силою мною во исполнение Евангелия. Да укрепится и возрастает желание возжелавших вспомоществовать нам делами любви благотворящей. Да умножатся подобные им пособники наши.

Благодееющим воздаждь Твоими благословениями. Живым воздаждь здравие и благоденствие. Усопших упокой со святыми Твоими в вечном Твоем Царстве. Ненавидящих и обидящих нас прости, Владыко Человеколюбче, умири их сердца, вразуми их умы. Всем же нам, Твоею кровию искупленным, вѣдущим и еще не вѣдущим Тя, подаждь свет разума святого Евангелия Твоего. Ускорѣ призвать и соединить всех во едино стадо Твое здесь, на земле, и пребыть с Тобою во веки неразлучными во свете Отца Твоего и Бога нашего; Ему же с Тобою и Святым Духом слава во веки. Аминь [Владимир (Петров). *Молитва миссионера, 303–304*].

Необходимость знания особенностей адресата миссии

Коренные жители Алтая — черневые татары, телеуты, киргизы, алтайские калмыки — вели (кроме черневых татар) кочевой образ жизни, занимались скотоводством и звероловством. Бытовые условия жизни их не волновали. Жилища были грязные, скот содержался в них же; приготовление еды — примитивное, из одной и той же посуды ели и хозяева, и собаки. Глядя на русских поселенцев, аборигены пристрастились к спиртным напиткам.

Женщины воспитанием детей не занимались. Труд у кочевников считался постыдным, низким занятием, у них не было высоких интересов и потребностей.

На необходимость изучения образа жизни, обычаев, верований инородцев указывали еще руководящие документы, полученные архим. Макарием (Глухаревым) от светских и церковных властей перед основанием Алтайской миссии. На их основе он выработал первоначальные принципы миссии, которые в дальнейшем корректировались с учетом миссионерской практики⁹. Этих принципов в своем миссионерском служении старался придерживаться и архим. Владимир, в этом он также был последователем прп. Макария, о чем свидетельствуют его отчеты о деятельности Алтайской миссии.

В отчете за 1870 г. архим. Владимир описывал некоторые черты нрава и быта инородческого населения Алтая:

Крайнее рабство жены, покупаемой, как товар, за дорогой калым, долго выплачиваемый, несущей на себе все тяжелые работы по хозяйству, купленной отцом сыну, почти дитяти, и в молодости последнего уже старухи нелюбимой и потому, если есть средства, заменяемой другою, покупаемой по собственному выбору сына, причем первая остается тоже или прогоняется на старости лет...

...От отцов и дедов наследованные полное неряшество, крайняя лень и беспечность, позволяющая алтайцу ни о чем не думать и ничего не делать, если у него на сей день есть еще горсть ячменя или накоплено несколько корней самородного кандыка или сараны; пока есть хоть мало зернового хлеба или ведется молоко, из чего бы добыть араки и чеген хмельной, — непрерывное опьянение; когда вовсе есть нечего или требуются подати — готовность брать в долг с уплатою тысячных процентов, отсюда неоплатные долги, и какой случится труд (зверолов, собиранье орехов и др.), то исключительно в пользу кредиторов [*Отчет Алтайской миссии за 1870, 199*].

Исходя из этих особенностей, архим. Владимир видел основной задачей для миссионеров не только пробуждение интереса к Единому Богу и христианской вере, но и изменение общего образа жизни, осознание ценности человеческой жизни. Отец Владимир вслед за прп. Макарием считал, что, например, женщины могут не только хорошо вести хозяйство, не занимая рабское положение в семье, но и служить Богу.

9. См. также с. 68 наст. изд. — *Прим. ред.*

Видя духовно-нравственные особенности, характерные для инородческих языческих племен, архим. Владимир писал в том же отчете за 1870 г.:

Некоторые из крещеных даже ученых соседей миссии имеют такое воззрение, что эту почву и возделывать не стоит; что чем скорее это племя сотрется с лица земли и местность, ими занимаемая, населится русскими, тем лучше. Но миссия знает, что сию, другими презираемую духовную ниву, возделывать суждено ей. Чем жальче алтайских язычников во всех отношениях, тем больше надобно заботы о них... одной с нами кровью Божественной искупленных и одному с нами Царю земному вероподданных [*Отчет Алтайской миссии за 1870, 1899*].

Для миссионера принципиально то, что не он выбирает людей, которым призван свидетельствовать о Боге. По мнению архим. Владимира, у людей, узнающих христианскую веру, Единого Бога, происходит целостное (не только внутреннее, но и внешнее) изменение жизни. В этом им должны помочь миссионеры. Но добрых плодов не стоит ожидать, если сам миссионер не будет пристально следить за собой и исправлять свою жизнь.

Религия алтайцев имела дуалистический характер: по их представлениям, в мире действуют два главных начала — светлое и темное, которым подчинены мелкие добрые и злые духи (отсюда обоготворение природы и огромное количество суеверий). Камы (шаманы) приносили богам кровавые жертвы. Нередко сами алтайцы стыдились камлания.

Ознакомившись с верованиями инородцев, о. Владимир в своих беседах убеждал их в суетности такой веры, объяснял, что камы изводят на жертвы скот, а христианская вера требует не кровавых жертв, а только покаянного и верующего сердца. К сожалению, ни сам архим. Владимир (будучи начальником Алтайской миссии), ни его помощники не записывали бесед с язычниками; почти случайно одну из подобных бесед удалось записать свящ. Вакху Гурьеву¹⁰, который побывал на ней во время своего пребывания в Миссии¹¹.

Прп. Макарий считал, что для успешного и сознательного приведения инородцев к христианской вере необходимо обучение

10. Гурьев Вакх Васильевич (1830–1890) — писатель, протоиерей.

11. Гурьев Вакх, свящ. Поездка в Алтайскую миссию // Современная летопись. 1867. № 46.

местного населения грамоте. Для этого он разработал алтайский алфавит (на основе русского алфавита), составил словарь из 3000 слов, который послужил основой для дальнейшего создания алтайской грамматики и учебной литературы на алтайском языке.

Большое внимание будущий владыка Владимир уделял переводу на родной язык алтайцев богослужения и священных книг, а также попечению об образовании детей и самих инородцев. По назначении начальником Алтайской миссии он сразу занялся изучением языка. Трудность заключалась в том, что тюркоязычные алтайские племена говорили на множестве различных наречий, своей письменности у них не было. В изучении этих наречий и переводах помогали толмачи из инородцев, особенно татары, общавшиеся с русским населением.

В своей переводческой работе владыка опирался на труды Н. И. Ильминского. Известна полемика о. Владимира с его другом и соратником-миссионером архиеп. Вениамином (Благонравовым) относительно необходимости переводов, если да, то на какое наречие переводить книги, каким алфавитом издавать, при каких условиях¹² [*Владимир (Петров). Письмо к архиепископу*, 238]. Сохранилось письмо архиеп. Вениамина и ответ архим. Владимира от 1880 года. Архиепископ Иркутский Вениамин в то время занимал пост начальника Забайкальской миссии и не видел необходимости в переводах богослужения и других церковных книг. Особенность этой проблемы характерна для второй половины XIX в.: вопрос о необходимости переводов на местные языки для миссионеров стоял всегда, но некоторые усматривали в этом «угрозу государственной целостности России» [*Владимир (Петров). Письмо к архиепископу*, 239]. Архим. Владимир в ответ на это настаивал: необходимо делать переводы как для инородцев, так и для самих миссионеров. Но важно, чтобы во главе угла была «специальная миссионерская цель, а не с тем, чтобы создать целую, хотя бы и переводную, литературу и цикл учебный и научный для инородческих племен» [*Владимир (Петров). Письмо к архиепископу*, 239]. То есть обучать инородцев основам веры и богослужению сперва нужно на родном языке, а уже затем возможно их обучение в специальных школах русскому и церковнославянскому языкам. Согласно такому видению проблемы

12. Имелись разные взгляды на переводческую деятельность: либо прежде выучить инородцев церковнославянскому языку, либо сначала изучать местный язык и потом уже постепенно приучать

алтайцев к русскому и церковнославянскому; кто должен быть переводчиком — из местных или из присланных, и др.

архим. Владимир и действовал, стремясь создать на Алтае в каждом миссионерском стане школу.

Письменная полемика между двумя миссионерами длилась не один год. В результате архиеп. Вениамин писал в 1883 г.:

Думаю я понемножку вводить богослужение на бурятском языке в тех станах, где новокрещенные и мал-мал не толмачут... Есть у нас три миссионера из инородцев; пусть они и начнут служить по-бурятски. К сожалению, ужá (Ужа — вервь, веревка (словарь Даля). — *Ред.*) ума наших инородцев кратки, а кладенец богослужебной мудрости глубок, и потому едва ли много лишнего попадет в их головы. И русские люди кроме «Господи, помилуй» много ли понимают в богослужении? А что касается молитв, то мне от грамотных случалось слышать, что они и «Азь есмь Господь Богъ Твой» читают во время молитвы как одну из молитв [*Письма Вениамина*, 22].

Это письмо показывает нам общее духовное состояние народа, проблемы, которые существовали даже у верных членов церкви. Неслучайно архим. Владимир несколько раз обозначает как одну из задач миссионеров не только свидетельство народам, не знающим Бога, но и просвещение людей в самой церкви.

Заключение

Алтайская миссия, как и многие другие духовные миссии XIX в. в Русской православной церкви, выполняла заказ царского правительства по христианизации инородцев юга Западной Сибири. Это важная веха в деле миссии для всей Русской церкви.

Изучение основных особенностей миссионерской деятельности в трудах одного из ярких представителей синодальной миссии этого периода архиеп. Владимира (Петрова) позволяет сделать следующие выводы.

Миссия — дело не одного только миссионера, но всей церкви. Для подготовки к ней принципиально важна братская поддержка миссионера со стороны единомышленников. Залог ее успеха — полноценная подготовка: обучение миссионеров, в том числе из среды инородцев, создание миссионерских образовательных школ, организация женского служения. Богослужение, проповедь, Священное писание должны звучать на языках инородцев, для этого необходимо вести переводческую деятельность либо пользоваться наилучшими известными переводами. Одна из форм внешней миссии — образование местных детей.

Труд миссионера — это не работа, а прежде всего призвание. Невозможно назначить миссионера как на некоторую административную должность, нужно выявлять в церковной среде людей (любого пола и общественного положения), склонных к этому служению. Большую роль играет личный пример жизни миссионера, приобретение им аскетических навыков. Одна из его главных забот — осуществление не только внешней, но и внутренней миссии. Это необходимо для того, чтобы новые члены церкви, входя в конкретное церковное собрание, продолжали духовно расти. Миссионеры должны сами «идти в народ» с проповедью, а не ждать, когда ищущие придут к ним. Необходима забота о внешнем обустройстве жизни новокрещенных (в том числе через организацию миссионерских попечительств). Очень важно тесное знакомство миссионеров с народом, его нравами, обычаями, верованиями, языком. Для старших в церкви — епископов и других учителей и пастырей — принципиально быть открытыми к простому верующему народу, а также по-отечески помогать миссионерам, поддерживая их в нелегком служении.

Поиск, анализ и использование опыта алтайских и других миссионеров представляют ценность для всех христиан. Собрание миссионерского опыта XIX в. актуально для возрождения современной миссионерской деятельности в нашей церкви.

Источники

- Владимир (Петров). Из письма миссионера-инока* = Владимир (Петров), архиеп. Из письма старого, бывшего миссионера-инока к молодому миссионеру-иноку // Православный Благовестник. 1893. № 6. С. 3–12.
- Владимир (Петров). Молитва миссионера* = Владимир (Петров), архиеп. Молитва миссионера // Православный Благовестник. 1895. № 23. С. 303–304.
- Владимир (Петров). Письмо к архиепископу* = Владимир (Петров), архиеп. Письмо к Иркутскому архиепископу Вениамину, 1880 // Православный собеседник. 1904. Ч. 2. С. 237–253.
- Владимир (Петров). Речь* = Владимир (Петров), архим. Речь при открытии миссионерского общества // Духовная беседа. 1865. № 50. С. 477–485.
- Владимир (Петров). Улалинская женская община* = Владимир (Петров), архим. Улалинская женская община новокрещенных на Алтае // Христианское чтение. 1863. № 7. Ч. 2. С. 393–410.

Литература

1. *Бош* = Бош Д. Преобразования миссионерства : Сдвиги парадигмы в богословии миссионерской деятельности. СПб. : Христиан. общ-во «Библия для всех», 1997. 636 с.
2. *Ландышев* = Ландышев Стефан, прот. Сведения об Алтайской духовной миссии за шесть лет : С августа 1856 г. по август 1862 г. М. : Тип. В. Готье, 1863. 34 с.
3. *Отчет Алтайской миссии за 1870* = Отчет Алтайской духовной миссии за 1870 г. // Памятная книжка Томской губернии за 1871 г. Томск : Том. стат. ком., 1871. С. 195–220.
4. *Письма Вениамина* = Письма Вениамина, архиепископа Иркутского, † 1892 г., к Казанскому архиепископу Владимиру, † 1897 г. / С предисл. и прим. К. В. Харламповича. М. : Тип. П. П. Рябушинского, 1913. 218 с.
5. *Ястребов. Миссионер* = Ястребов И. И. Миссионер высокопреосвященнейший Владимир, архиепископ Казанский и Свияжский : Исследование по истории развития миссионерства в России. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. С. 77–416.
6. *Ястребов. Краткие сведения* = Ястребов И. И. Краткие сведения о жизни и деятельности архимандрита Макария, основателя Алтайской духовной миссии : По случаю столетней годовщины со дня его рождения, 8 ноября 1792 года. Бийск : Типо-лит. И. Д. Реброва, 1893. 135 с.

Olga Orlova

The Characteristics of the Missionary Work of the Archbishop of Kazan and Sviiazh Vladimir (Petrov)

This article uses the writings of the missionary and religious enlightener Archbishop of Kazan and Sviiazh Vladimir (Petrov) (1828–1897) to provide an overview of his missionary activities. In the process it examines the related practical questions he was concerned with, including the preparation and organization of the mission; the theoretical ideal of the missionary and the missionary lifestyle; the fundamental characteristics of the missionized population.

KEYWORDS: Altai mission, history of the missionary activity of the Russian Orthodox Church, Archbishop Vladimir (Petrov), translation of the liturgy, foreigners peoples, missionary, Synodal period.